

синтаксис, как мы теперь понимаем, должен был показаться им неестественным. Вместе с тем и задачи, поставленные Тредиаковским при переводе этого романа и сформулированные в «Предуведомлении от трудившегося в переводе» (конец 1750 г.), приобретают новый смысл ввиду позиции Сумарокова. Как будто отвечая на требование эпистолы «О русском языке»: «Коль речи и слова поставишь без порядка, И будет перевод твой некая загадка, Которую никто не отгадает ввек, То даром, что слова все точно ты нарек»,²³ Тредиаковский заявляет: «Итак, старался я, сколько мне было возможно, чтоб переводу моему быть вразумительну и иметь бы ему довольную ясность к угодности читателей < ..> Однако чтоб и перевод не казался без оных пиитических осанки, нигде больше, сколько сему роду сочинения благопристойныя, то было во мне тщание, дабы и у меня ей быть рассеянной по всем периодам, только ж бы без вреда желаемой всеми ясности».²⁴ И также вторя Сумарокову: («Другой <..> По-русски, думает, всего сказать не можно, И взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь Языком собственным, достойну только сжечь...»),²⁵ заверяет, что «ни одного от меня в сем сего автора токмо переводе не употреблено чужестранного слова».²⁶

Напряжение вокруг вопроса о переводе не ослабело к весне 1752 г., когда писалось предисловие «К читателю». Возможно, что сам замысел перевода «Науки» Буало возник в ходе споров о переводе вообще и о переводе стихотворных произведений в частности. Стихотворный перевод, в котором были достигнуты точность при передаче слов и смысла оригинала и эквilinearность (равное оригиналу число стихов), должен был убедить оппонентов в возможности при переводе передать смысл подлинника, а также строение стихотворной речи. В «Предуведомлении» к «Аргениде» Тредиаковский не настаивает на обязательности перевода стихов, содержащихся в романе, стихами, а скорее объясняет свое решение стихотворного их перевода тем, что «ежели б того не делать, то б вся экономия сея повести была разорена, и премоного б красоты пропало».²⁷ А между тем именно для достижения эквиметрии в переводе латинских стихов романа им были разработаны его знаменитые гекзаметры и пентаметры. Эквиметрия, а не точность слов и эквilinearность была тогда главной его задачей. При переводе «Науки» Буало, размер которой, александрийский стих, мог казаться много более простым, чем латинские гекзаметры, главными задачами переводчика стали точность и эквilinearность. Считая, что решил

²³ Сумароков А П Эпистола I [О русском языке] С 114

²⁴ [Тредиаковский В К] Предуведомление от трудившегося в переводе // Барклай И Аргенида СПб, 1751 Т I С LX

²⁵ Сумароков А П Эпистола I [О русском языке] С 113

²⁶ [Тредиаковский В К] Предуведомление от трудившегося в переводе С LXI

²⁷ Там же С LXII